

Он — свирепый зверь, и повсюду, куда бы он ни ступил, он приносит лишь гибель и разрушения.

— Ваше Величество! — Янь Юй с глухим стуком опустился на колени. — Юй-эр умоляет вас, пощадите их!

Юэ Дунсин в изумлении расширил глаза. Неужели этот мальчишка настолько осмелел? Неужели, прислужив всего одну ночь, он возомнил, что в силах вершить волю повелителя миллионов?

— Мой Юй-эр поистине наделен сердцем бодхисаттвы, — Цзян Тяньхэн смотрел на распростертого у его ног юношу сверху вниз. В его улыбке, не доходившей до глаз, в низком, мягком голосе таилась едва уловимая насмешка.

Свирепый зверь, который возомнил, что если назовет себя благовещим цилинем, то и впрямь начнет приносить людям удачу? Смехотворно!

Стоял знойный летний день, но от одного лишь присутствия императора по коже пробежал ледяной холод. Янь Юй весь напрягся. Он знал, что Цзян Тяньхэн всегда отличался жестокостью, и такая реакция была вполне в его духе.

Однако Янь Юй не хотел, чтобы причиной гнева стал он сам. Если бы это произошло, на нем бы осталось клеймо Ци свирепого духа, и как тогда он смог бы вечно оставаться рядом со своим благодетелем?

Он скорее позволил бы причинить вред себе, чем допустил бы хоть малейшую царапину на теле Цзян Тяньхэна.

Янь Юй выпрямился и, плотно сжав губы, посмотрел на императора.

Ситуация накалилась. Увидев это, Юэ Дунсин безмолвно махнул рукой, приказывая увести слуг. Цзян Тяньхэн вдруг произнес:

— Хорошо, пусть будет по-твоему, Юй-эр. Смертной казни они избегут, но наказания не миновать. Каждому по пятьдесят ударов палками, пусть идут и принимают наказание.

Слуги, чудом избежавшие смерти, были в холодном поту. От охватившего их ужаса ноги стали ватными, и они, едва держась, поспешили прочь из императорской кухни.

Услышав это, глаза Янь Юя просияли. Цзян Тяньхэн притянул его к себе и, слегка приподняв пальцем его подбородок, спросил:

— Ну что, Юй-эр, ты доволен?

— Юй-эр знает, что Ваше Величество самый лучший.

Цзян Тяньхэн издал неопределенный смешок и обнял его еще крепче:

— Зачем ты пришел на императорскую кухню?

При упоминании об этом щеки Янь Юя вспыхнули. Он невольно начал теревить пальцы, опустив голову и не смея встретиться с императором взглядом.

— Я хотел приготовить для вас два блюда.

Голос его звучал едва слышно, словно жужжание комара, но Цзян Тяньхэн все расслышал. Уголки его губ приподнялись, но в улыбке сквозила холодная угроза:

— Юй-эр так заботится обо мне. Но такую черновую работу стоит оставить слугам. Пойдем, вернемся во дворец.

— Но... но ведь у меня получается очень вкусно, — Цзян Тяньхэн вел его к выходу, но Янь Юй не хотел уходить и постоянно оглядывался на кухню. — Ваше Величество, правда, очень вкусно, я так хотел для вас приготовить.

Если хочешь моей смерти, есть куда более простые способы, зачем же так утруждать себя, тратить столько сил и стараний?

В глазах Цзян Тяньхэна мелькнул холод, он больше не проронил ни слова и потащил юношу в кабинет императора.

Всю дорогу Янь Юй не смел издать ни звука. Он видел, как напряжено лицо Цзян Тяньхэна, а его суровый вид выдавал затаенный гнев — наверняка из-за того инцидента на кухне.

От мысли, что Цзян Тяньхэн злится сейчас лишь потому, что его, Янь Юя, чуть не наказали, на душе стало сладко. Похоже, благодетель все еще любит его, как и прежде.

Цзян Тяньхэн сел в кресло, усадил Янь Юя к себе на колени, зарылся лицом в его шею и поцеловал в округлую мочку уха. Его голос стал хриплым:

— Отныне будь послушным и оставайся рядом со мной. Ты понял?

— Да!

Янь Юй был на седьмом небе от счастья. Если бы он сейчас принял свой истинный облик, то наверняка радостно вилял бы хвостом.

Он вспомнил, что в последний раз сидел у благодетеля на коленях в такой позе, когда был еще совсем маленьким. Сейчас он уже вырос, наверное, стал тяжелым?

Цзян Тяньхэн, чье лицо немного смягчилось, заметил, как Янь Юй ерзает у него на коленях. Его взгляд упал на нежные губы юноши, глаза потемнели. Он прижал его к себе, склонился и впился в мягкие губы, тщательно их сминая.

<http://bllate.org/book/22257/2329157>